

АЛИМ ХАНФЕНОВ

НОЧНАЯ ДОРОГА

Как будто великаны —
 бревна спят,
спокойно навалиясь на спину ЗИЛа.
А ЗИЛ ревет,
 подъем беря опять,
над тьмою неоглядно повиснув.
По частоколу белых с черным вех
лучи скользят,
 над бездною срываясь.
И, словно бы машине подчиняясь,
дорога забирает круто вверх.
Вскипает радиатор, как котел.
И на секунду схватывают фары:
дорожный обнимает частокол
светящаяся радуга из пара.
Глядим вперед.
Потом — по сторонам.
О прошлых днях
 беседуем с шофером.
Вот так везли могучие моторы
когда-то нас обоих по фронтам.
По кручам нас мотало
 и сквозь тьму,
от неуспехов —
 к полному успеху.
И разве вот теперь не потому
мы можем мирно к будущему ехать?
Взгляните:
 мы взобрались выше всех
и сверху вниз
 разглядываем звезды.
То светит городок —
 один из тех,
что нашими руками нынче создан.
Огни сверкают ближе и вдали,
веселости приветливой не пряча.
И кажется,
 что Млечный Путь Земли
небесного прекраснее и ярче.
А свет машины нашей над горой,
наверное, похож на свет ракеты,
что посетила
 дальние планеты и гордо
возвращается домой.
Давай, шофер, еще быстрее жми!
Когда-нибудь ведь так оно и будет:
встречая звездолеты, неолюди
с сегодняшними встретятся людьми.

В ПУТИ

На небе у Луны
от самоменья мысли кружатся.
Свет разливают — бледный и седой.
Идя за солнцем вслед, она как будто лужица
пред грозной, бесконечною водой.
Но кажется и ей, как часто многим кажется,
что греет нас она,
 что вправду льет тепло...
В автобусе, где еду я, ко мне все думы вяжутся
о прошлом.

И о том, что, как вода, ушло.
Что остается в нас оттуда?..
Сквозь стекло автобуса
я вижу вновь
 знакомые места.
На четверть века, память, повернись
и в путь обратный трогайся,
в тот день, что сумрачен,
и на дорогу, что чиста...
Декабрьский день бряцал морозом.
Бездорожье
в конце войны вело меня домой.
Снег сыпался в пространстве.
Слышал кожей я, какой он был и легкий и сухой.
Снежинки падали, как лишь снежинки падают,
смерзаясь к вечеру.
Скрипели сапоги.
И пустота вокруг: ни ворона над падалью,
ни человека,
 ни дымка,
 ни зги.
Лишь слева от дороги куст калиновый
увидел я и сразу
как продрог.
 Там волк следил за мной
 и шерстью длинною
играл в его загровке ветерок.
Волк не завыл, свою сзывая братию,
не побежал,
 хвостом поджавши страх.
А выпрямился, будто на параде,
от колеи промерзшей в двух шагах.
Что было делать?
Шел я, не сворачивал,
траншеей мне казалась колея.
А он смотрел, башкою чуть покачивая,
пока в метельной мгле не скрылся я.
И думал я, шагая вновь долиною,
что из почтенья к мужеству людей
не прыгнул волк,
 ломаю куст калиновый,
и не завыл, зовя сво
их друзей...
Что остается в нас от прошлого?
 Туманное,
чуть грустное, как палых листьев дым,
желание —
 не жить с людьми обманами,
не дать лишиться счастья молодым.
По гладкому пути автобус новый катится.
Сижу в тепле. Вокруг соседи спят.
Луна горит в стекле.
Ей власть над нами кажется.
Пусть кажется, хоть сотни лет подряд.
Не страшно,
если у нее есть капля самоменья,
 лишь пусть она всегда
идет своим путем.
А мужество людей и единение
мы вместе с нею Солнцем назовем.

Перевел с черкесского Вл. Гнеушев.